

Армия в жизни современного турецкого общества

Шлыков Вячеслав Иванович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Ближнего и Среднего Востока Института стран Азии и Африки.

Турецкая общественность привыкла к активной роли, которую армия играет в политической жизни. С 1930-х годов военные смотрели на себя как на гарантов внутренней стабильности и территориальной целостности страны, стражей идеологического наследия Ататюрка и мистическое воплощение турецкой нации. Поэтому в турецкой политической системе господствует поставленная с ног на голову иерархия: армия избавлена от политического контроля, а политическая власть подконтрольна надзору военных. Понятие «система военного патронажа» довольно точно описывает функционирующий в Турции строй. Однако события последних лет, и прежде всего растущее влияние исламизма, серьезно поколебали, как показывает кандидат исторических наук Вячеслав Шлыков, привычный порядок вещей. Чреватая дестабилизацией новая политическая реальность требует крайней осмотрительности от всех политических сил страны.

Феноменом политического развития Турции является исключительная роль армии. Османская империя, созданная и поддерживаемая завоеваниями, по крайней мере, в первые века своего существования являлась государством-воином. Армия и воинские ценности глубоко заложены в турецкой культуре.

Конечно, этого явно недостаточно для прояснения роли армии в условиях Турецкой Республики XXI века. Но всё станет на свои места, когда мы осознаем, что Турция является идеологическим государством. Демократия с её плюрализмом мнений и государственная идеология (в данном случае – кемализм) в принципе несовместимы друг с другом. Именно здесь коренное противоречие современной Турции.

Первый кризис кемализма мы относим ко второй половине 1940-х годов, когда Турция переходила от монопартийного режима к многопартийному и возникла реальная борьба за голоса избирателей [1].

Отношения между военной и политической элитами, или военно-гражданские отношения (понятие, имеющее широкое хождение в западной политологии и социологии), в Турции характеризуются сочетанием преемственности и перемен. Какова природа этих отношений? Два фактора, относящихся к историческим и политическим условиям, являются наиболее существенными для ответа на этот вопрос: роль армии как защитницы кемализма и османское наследие вертикально организованного общества [2].

Османская традиция тесных военно-государственных связей продолжилась и в период Республики, предоставив вооруженным силам исключительную роль в обществе, простирающуюся и на гражданскую сферу. Армия стала не только защитницей Республики, но также и стражем светского характера государства и шести принципов кемализма. Уровень доверия общества к армии колеблется от 76% до 91%, но она постоянно занимает первое место, – судебные органы, полиция и меджлис находятся далеко позади. Столь высокого показателя уровня доверия армии как государственному институту нет больше нигде в мире. (В Западной Европе этот уровень составляет 68% и следует после врачей, учителей и полиции, а самое последнее место занимают политики [3].)

Этому есть определённые причины. Во-первых, геополитический фактор. Ни в одной стране Западной Европы люди не испытывают такого беспокойства по поводу безопасности, как в Турции. Внешние угрозы и угрозы терроризма создают у турецких граждан потребность в доверии к своей армии. Сегодня почти все они соглашаются с необходимостью для Турции иметь сильную армию, способную отрезать всякого потенциального противника, а споры касаются лишь отношений армии и политики. Во-вторых, огромная конструктивная роль армии в становлении современного турецкого государства и его конституционном развитии. В-третьих, многовековая институциональная история: в Турции существует непрерывная традиция армии, она никогда не переживала катастрофы разрушения и укоренила систему своих ценностей и традиций.

Картина, наблюдаемая в сегодняшней Турции, свидетельствует о переходной фазе развития и отвечает концепции С. Хантингтона о роли армии в модернизирующемся обществе [4]. В традиционных обществах армия является единственным современным институтом, а само общество безгласно и застойно. Однако с развитием процессов урбанизации, просвещения, становления предпринимательского среднего класса общество оживает, становится всё более разнородным, появляются сталкивающиеся друг с другом общественные запросы, идеи, растут внутренние противоречия. Общество современного типа неизбежно является плюралистическим. Поэтому политики всегда должны быть гибкими. Армия не может заниматься политикой, ибо логика политики и логика военных несовместимы. Как утверждает турецкий журналист Таха Акйол, «при защите страны турецкий народ со своим здравым смыслом доверяет своей армии, а в политике всегда выбирает гражданских деятелей» [5].

Самым глубоким противоречием, отличающим турецкую демократию в 1990-х – начале 2000-х гг., является демонстрируемая неспособность гражданских политиков контролировать армию. Турецкие военные пользуются высокой степенью автономии. В развитых странах Запада органом контроля является министерство обороны во главе с гражданским министром. Иное дело в Турции. Вот, что пишет в своей книге под весьма красноречивым названием «Приказывайте, командир» известный турецкий журналист Али Биранд: «В штате министерства обороны

числится 3000 человек персонала, из них лишь 5% гражданских лиц. Более того, даже личного секретаря министра назначает НГШ» [6].

Существование параллельных государственных структур, гражданских и военных, подрывает власть и демократическую ответственность избранных гражданских правительств. По иронии судьбы, в результате «турецкого эксперимента в демократии», как назвал его Фероз Ахмад [7], роль армии в политике возросла, а не ослабла. В конце 1950-х годов провал попыток парламентской демократии в Турции обеспечить процветание, эффективное правление и политическую стабильность вновь вернул армию на политическую сцену, а впоследствии и создал о ней в обществе представление как о последнем прибежище и гаранте стабильности и общественного порядка, наделив её своего рода мандатом на вмешательство в политический процесс.

Конституция 1961 года, принятая после военного переворота 27 мая 1960 года, повысила де юре статус Генерального штаба и де факто степень его автономности, выведя из подчинения министру обороны, как это было при Аднане Мендересе, и переподчинив его непосредственно премьер-министру. В рамках иерархии государственного протокола начальник Генерального штаба (НШГ) занимает теперь четвёртое место после президента, премьер-министра и председателя меджлиса [8]. По Конституции 1961 года был создан также Совет национальной безопасности в качестве консультативного органа при правительстве, включающий ведущих членов правительства и высшее командование вооружённых сил. СНБ стал важнейшей площадкой для регулярных контактов гражданского и военного руководства, где происходит оглашение позиции армии по ключевым вопросам в сфере политики.

4 января 1961 года был принят Закон 211 «Устав Внутренней службы Турецких Вооружённых сил», содержащий наиболее детальное изложение правовой роли и обязанностей вооружённых сил. Ключевой в этом Законе является статья 35, которая гласит: «Обязанностью Турецких Вооружённых сил является защита и сохранение Турецкого отечества и Турецкой Республики, как определено в Конституции» [9].

Вот как оценивает значение этой статьи бывший НГШ генерал Хильми Озкёк: «Это прекрасная статья. Она является в то же время и политическим тормозом. Потому что иногда политические партии могут поддаться крайностям, а эта статья их тормозит. После этого некоторые политики жалуются, что бюрократия якобы создаёт препятствия. Однако эта статья хороша и для политиков, потому что иногда лица, занимающие высшие административные посты, для того, чтобы понизить голос нижестоящих, прибегают к её защите» [10]. Определяя функции армии, генерал Озкёк заявляет: «Мы стражи режима. По закону наша задача охранять и оберегать режим, когда с ним что-то случается. Мы не являемся врагами ни политики, ни политиков. Мы лишь стражи режима. Вооружённые силы находятся выше любых политических движений и вне их» [11]. Однако после 1983 года армия стала менее склонна прибегать к угрозе силой, предпочитая использовать более тонкие методы и средства для того, чтобы гарантировать политику правительства в тех границах, которые армия считает допустимым.

Конституция 1982 года, принятая в условиях прямого военного правления, сохраняла основные принципы своих предшественниц. Так, её преамбула гласит, что она была «сформулирована в соответствии с концепцией национализма, а также реформами и принципами, провозглашенными основателем Турецкой Республики Ататюрком, бессмертным лидером и не имеющим равных героем». В соответствии со статьей 2 конституции «Турецкая Республика является демократическим, светским государством, основанным на нормах прав; опирающимся на концепцию общественного спокойствия, национальной солидарности и справедливости, уважающим права человека; верным национализму Ататюрка и основанным на главных принципах, изложенных в преамбуле» [12]. Но всё же в неё были внесены некоторые изменения, существенно расширявшие полномочия президента.

В 1980-х – первой половине 1990-х годов, после возвращения к гражданскому правлению, Генштаб редко вмешивался в политику правительства. Генералы предпочитали давать рекомендации. Как говорит генерал Озкёк, «переворот не является выходом. Самый лучший выход – это доведение до общественности мнения начальника Генерального штаба» [13]. Методы, используемые для трансляции этих рекомендаций заинтересованным лицам, варьируются в зависимости от сферы политики, природы и характера осознаваемых угроз, их важности или неотложности, а также возможной ответной реакции гражданской администрации. В тех сферах, где армия играет ключевую роль в детальном формулировании политики, она стремится использовать официальные трибуны. Самой важной из них является Совет национальной безопасности.

Статья 118 конституции 1982 года серьёзно повысила статус этого органа. Теперь это был не просто консультативный орган. «Совет министров рассматривает в первую очередь решения Совета национальной безопасности относительно мер, которые он считает необходимыми для сохранения, существования и независимости государства, целостности и неделимости страны, обеспечения мира и безопасности общества» [14]. Принятый в 1983 году Закон № 2945 «О Совете национальной безопасности и Секретариате СНБ» предоставил генеральному секретарю СНБ, который являлся действующим генералом, право неограниченного доступа к любому гражданскому органу управления для того, чтобы осуществлять мониторинг за реализацией рекомендаций, представленных СНБ кабинету министров [15].

На заседаниях СНБ председательствует президент. Вплоть до 2003 г. эти заседания проводились один раз в месяц. Кроме президента в заседаниях участвовали премьер-министр, министр иностранных дел, министр внутренних дел и министр обороны, а армию представляли НГШ, командующие сухопутными, военно-морскими и военно-воздушными силами, а также командующий жандармерией. Теоретически это означало, что соотношение сил внутри СНБ было поделено поровну между гражданскими и военными. Однако на практике численное соотношение внутри СНБ почти не имело практического значения, поскольку обсуждаемые вопросы никогда не ставились на голосование. Члены СНБ обсуждали повестку дня, а затем по вопросам, получившим общее одобрение, президент формулировал итоговое заявление, которое представлялось кабинету министров [16].

Армия может также отслеживать действия гражданских властей через участие в деятельности ряда других правительственных органов – таких как Совет по высшему образованию или же Высший совет по радио и телевидению, надзирающий за вещанием на границу. Один из трёх членов в коллегиях Судов государственной безопасности является военным судьёй. Кроме того, существует практика еженедельных встреч с премьер-министром и президентом, на которых начальник Генштаба имеет возможность доводить озабоченность армии до сведения политического руководства.

В распоряжении армии находится также целый ряд неформальных каналов для трансляции своих проблем и зондирования настроений как в обществе в целом, так и среди влиятельных кругов. Они включают частные контакты между ведущими генералами и министрами, публичные заявления в виде речей или комментариев в СМИ. Хотя подобные высказывания и комментарии часто кажутся спонтанными, они никогда не являются выражением личного мнения и неизменно заранее одобрены начальником Генштаба [17]. При этом следует отметить, что круг лиц, которые могут высказываться в СМИ, очень ограничен и включает только высшее командование вооружённых сил.

Генеральный штаб поддерживает тесные связи с чиновниками, ответственными за те сферы политики, к которым проявляется особый интерес. Он также располагает собственной экспертизой, включающей рабочие группы, которые состоят из штабных офицеров или в самом Генштабе, или в штабах отдельных видов вооружённых сил. Рабочие группы не являются постоянными, а формируются и распускаются в соответствии с потребностями [18].

В конце 1980-х – начале 1990-х гг. ограничения, наложенные военным режимом 1980–1983 гг., медленно ослабевали, приводя многих турецких и иностранных наблюдателей к заключению, что эра военных переворотов закончена [19]. Однако ряд факторов способствовал сохранению армией прочных позиций на политической арене.

Первым из них является эскалация волнений, развязанных в 1984 году Курдской рабочей партией. К началу 1990-х годов большая часть юго-восточной Турции фактически управлялась военными.

Ухудшение положения с безопасностью совпало с кризисом доверия общества к политическим лидерам Турции, вызванным масштабной коррупцией, галопирующей инфляцией и постоянным высоким уровнем безработицы. Это разочарование, в свою очередь, подпитывало быстрый рост электоральной поддержки политических партий с исламистской программой.

В марте 1994 года исламистская Партия благоденствия (ПБ) завоевала наибольшее число голосов на местных выборах и получила контроль над рядом крупнейших городов Турции, включая Стамбул и Анкару. После парламентских выборов 25 декабря 1995 года ПБ стала крупнейшей партией в парламенте, хотя получила всего лишь 21,4% голосов и 158 мест из 550. В июне 1996 г. ПБ сформировала вместе с Партией верного пути, у которой было 135 мест, коалиционное правительство, и лидер ПБ Неджметтин Эрбакан стал первым в истории Турции открыто исламистским премьер-министром.

Первые несколько месяцев пребывания у власти правительства ПБ-ПВП характеризовались в большей степени неразберихой и неопределённостью, чем какими-либо радикальными политическими инициативами. Тем не менее само нахождение у власти исламистской партии было неприемлемо для Генерального штаба. В последние месяцы 1996 г. ведущие генералы сделали серию публичных заявлений, предупреждавших о том, что лаицизм находится под угрозой. В январе 1997 года командующие вооружённых сил провели совещание на военно-морской базе Гельджюк, что на Мраморном море, на котором они окончательно сформулировали стратегию действий по отстранению ПБ от власти [20].

На этот раз Генштаб отдал предпочтение не прямому захвату власти, а координированию и оживлению действий оппозиции Партии благоденствия. Поощряя публичные протесты и действуя из-за кулис, армия надеялась отодвинуть исламистов от власти, не прибегая не только к силе, но даже и к угрозам применения силы. Тем не менее 3 февраля 1997 года генералитет воспользовался случаем, чтобы напомнить ПБ, что полномасштабный переворот не исключается: через пригород Анкары Синджан, в ответ на выступление местного мэра, члена Партии благоденствия Бекира Йилдыза с речью в поддержку шариата [21], проследовала колонна танков.

На заседании СНБ 28 февраля 1997 г. армия представила гражданскому правительству перечень из 18 антиисламистских мер, которые она хотела видеть реализованными. Этот список был подготовлен секретариатом СНБ в сотрудничестве с рабочими группами в Генштабе. Эрбакан в конечном счёте согласился передать перечень кабинету министров. 14 марта меры были одобрены меджлисом. Девять лет спустя «меморандум 28 февраля» будет назван «постмодернистским военным переворотом» [22].

18 июня 1997 года правительство было вынуждено подать в отставку, и ему на смену пришла трёхпартийная коалиция. Как пишет английский журналист Гарет Джоунс, «несколько месяцев спустя после «меморандума 28 февраля» без танков и пушек и при широкой общественной поддержке армия заставила Эрбакана отказаться от власти» [23]. 16 января 1998 г. Конституционный суд Турции формально закрыл ПБ и запретил Эрбакану заниматься политической деятельностью в течение пяти лет [24].

Частным образом тогдашний начальник Генерального штаба Хаккы Карадайи предсказывал, что исламистскому движению потребуется по меньшей мере десять лет, чтобы восстановиться [25]. Это заявление свидетельствует о недооценке на тот момент степени структурированности исламистского политического движения и его глубоких корней в турецком обществе.

Первоначально казалось, что прогноз генерала Х. Карадайи был правильным. Хотя члены распущенной ПБ заново организовались как Партия добродетели (ПД), без Эрбакана исламисты выступили неудачно, получив на парламентских выборах 18 апреля 1999 года лишь 15,4% голосов [26]. Твёрдые сторонники лаицизма в лице высших судебных органов Турецкой Республики (которые действуют в тесном, хотя и неафишируемом сотрудничестве с армией) не остановились на достигнутом, стремясь искоренить политические структуры исламистов. 7 мая 1999 года прокурор Вурал Саваш направил в Конституционный суд запрос с требованием закрыть Партию добродетели на том основании, что она является продолжением Партии благоденствия и её лидеры были причастны к подрыву основ лаицизма. Конституционный суд официально распустил ПД 22 июня 2001 года [27].

Пришедшая к власти после парламентских выборов коалиция в составе Демократической левой партии (ДЛП), Партии националистического движения (ПНД) и Партии Отечества (ПО), возглавлявшаяся патриархом турецкой политики Б. Эджевитом, в рамках программы приведения турецкой демократии в соответствие с копенгагенскими критериями приступила к серьёзным преобразованиям, которые затрагивали также роль и место армии в турецком обществе. Первым шагом в этом направлении стало постепенное снижение институционального влияния Генерального штаба. 18 июня 1999 года было внесено изменение в ст. 143 Конституции «Суды государственной безопасности», ограничившее их полномочия только периодом чрезвычайного положения, а военные судьи были вообще удалены из состава коллегий данных судов [28]. В октябре 2001 г. меджлис внёс изменения в ст. 118 Конституции Турции с целью увеличения представительства гражданской администрации в СНБ, включив в его

состав министра юстиции и одного из вице-премьеров. В то же время было изъято положение, требовавшее от кабинета министров отдавать приоритет рассмотрению рекомендаций СНБ [29].

Более широкие реформы были проведены в январе 2003 г., а в июле последовало их продолжение. Знаменательно, что во время реализации нововведений Турцией вновь управляло исламистское правительство, хотя и сформированное более умеренной Партией справедливости и развития (ПСР) под руководством Тайипа Эрдогана, бывшего мэра Стамбула от Партии благоденствия.

Действия администрации Эрдогана свидетельствовали о стремлении максимально понизить институциональный статус армии, лишив её важного инструмента влияния на политику правительства. Так, было отменено обязательное условие, что генеральным секретарем СНБ должен быть действующий генерал (первый гражданский генеральный секретарь был назначен в октябре 2004 г.). Генерального секретаря СНБ лишили права неограниченного доступа в любую гражданскую организацию или орган власти с целью ведения мониторинга, а фактически – осуществления контроля за работой государственного аппарата [30]. Правила, касающиеся назначений в секретариат, стали более прозрачными, что привело к увеличению доли гражданских служащих и сокращению персонала СНБ на 25%. Заседания СНБ стали проводиться не ежемесячно, а раз в два месяца. Все это сделало гораздо более сложным для Генерального штаба использование СНБ в качестве инструмента давления на гражданское правительство.

«Меморандум 28 февраля», первоначально вызвавший замешательство, ускорил процесс смены поколений внутри исламистского движения. К моменту запрета Партии благоденствия в январе 1998 г. Эрбакану было уже 71 год, и он находился во главе движения уже свыше 30 лет. ПД возглавил родившийся в 1930 году Реджай Кутан, который был известен как ближайший сподвижник и доверенное лицо Эрбакана. Неутешительные результаты выборов 18 апреля 1999 года вызвали ожесточённые споры о стратегии партии и её руководстве. В мае 2000 г. состоялся съезд ПД, на котором младшее поколение исламистов в лице Абдуллаха Гюля, нынешнего президента Турции, бросило вызов лидерству Кутана. Когда 18 июня 2001 года ПД была запрещена, исламистское движение раскололось. Кутан и старшее поколение основали Партию счастья, а младшее поколение, возглавляемое Эрдоганом, создало Партию справедливости и развития (ПСР).

Момент для ПСР оказался в высшей степени удачным. Валютный кризис в феврале 2001 года породил в Турции самый тяжёлый экономический спад за последние 50 лет. Летом 2002 года всё более раздираемая разногласиями трёхпартийная коалиция окончательно развалилась, и на 3 ноября 2002 г. были назначены досрочные парламентские выборы. На них ни одна из политических партий, представленных в прошлом составе Меджлиса, не смогла преодолеть 10-процентный барьер, а ПСР получила 34,3% голосов, принеся ей 363 места. Кроме ПСР в меджлис прошла только левоцентристская Народно-республиканская партия, получившая 19% голосов и 178 мест. Оставшиеся 9 мест достались независимым депутатам [31].

Хотя в ходе предвыборной кампании ПСР заявляла о своей приверженности лаицизму, в Генштабе мало кто в это верил. Но теперь армия мало что могла сделать. Единственным вариантом отстранения ПСР от власти был полномасштабный переворот и установление прямого военного правления по образцу 1980 года. Однако с тех уже далёких времён многое изменилось в Турции как в сфере политики и социальных отношений, так и в сфере экономики, особенно критичной для армии. Влиятельные экономические круги, представленные Организацией турецких промышленников и предпринимателей (ТЮСИАД), превратились в одного из важнейших акторов на политической сцене. Если ранее вмешательство армии никак не отражалось на экономической привлекательности страны, а предпринимательские слои в целом спокойно относились к наведению порядка путём введения режима чрезвычайного положения, то теперь любое резкое движение военных повлекло бы за собой ухудшение инвестиционного климата со всеми вытекающими отсюда негативными последствиями для экономики Турции, являющейся составной частью мировой экономики.

Взаимное недоверие и антипатия между Генштабом и ПСР привели к сокращению числа неформальных контактов, а это, с одной стороны, снизило способность армии оказывать давление, а с другой – усилило её подозрительность в отношении конечных целей ПСР. Для военного руководства возможности доведения своей позиции по вопросам внутренней и внешней политики сузились до участия в заседаниях СНБ, проводимых теперь раз в два месяца, и еженедельных встреч начальника Генштаба Озкёка с премьер-министром – сначала Гюлем, а затем Эрдоганом. Другие каналы, как, например, публичные высказывания в ходе пресс-конференций и заявления, вывешиваемые на официальном сайте Генштаба, перестали эффективно воздействовать на общественное мнение и вызвали определённые трудности.

ПСР после прихода к власти ускорила проведение реформ, начатых предшествующей администрацией Б. Эджевита с целью скорейшего вступления в ЕС. В конце 2002 года опросы общественного мнения показывали, что свыше 70% турок поддерживают членство в ЕС. Принимая во внимание определённую настойчивость ЕС в отношении установления гражданского контроля над армией, любая открытая попытка со стороны военной элиты влиять на политический процесс с помощью публичных заявлений установочного характера содержала, по меньшей мере, риск отсрочки переговоров Турции и Брюсселя, что, в свою очередь, нанесло бы ущерб общественному престижу Генштаба. Как отмечал влиятельный политический обозреватель Али Биранд, «армия не хочет, чтобы она воспринималась как препятствие на пути в Европу» [32].

Генерал Хильми Озкёк, ставший 28 августа 2002 года начальником Генерального штаба, воспринял ататюркизм – путеводную звезду для офицерского корпуса Турции – в качестве мировоззрения, открытого для перемен. Согласно Озкёку, армии следует обрести новое видение, а офицерам недостаточно удовлетворяться только следованием примерам прошлого, им необходимо расширять интеллектуальные горизонты [33]. Сообщалось, что Озкёк ставил под сомнение целесообразность вмешательства армии в политику: «Армия выступила 27 мая, 12 марта и 12 сентября. Были ли эти выступления успешными? Нет! Если бы они были успешными, то политики, отстранённые от политической деятельности, не смогли бы вернуться в политику. Те, кому была запрещена политическая деятельность, позднее стали премьер-министрами и президентом Республики. Это показывает, что вмешательство армии не является панацеей. Начиная с сегодняшнего дня нам следует больше доверять оценке народа» [34]. Он констатировал, что патриотизм не является монополией военных [35].

Когда ПСР оказалась победительницей на выборах в ноябре 2002 года, генерал Озкёк направил поздравления Тайипу Эрдогану, который в то время ещё не был избран в меджлис. Впоследствии Озкёк говорил: «Выборы состоялись в соответствии с демократическими правилами. Результаты отражают предпочтения наших людей, которые я уважаю» [36]. А во время своего официального визита в США он заявил представителям американской администрации в Вашингтоне, что выборы в Турции прошли в соответствии действующими правилами и положениями, и здесь нет повода для беспокойства [37].

Элементарное уважение Озкёком требований либеральной демократии привело его к стремлению держаться в стороне от повседневной политики. В ряде случаев он старался убедить лидеров ПСР, но не пытался навязывать им волю армии. Однако действия правительства временами заставляли военных отходить от лояльной позиции. Всего лишь два с половиной месяца спустя после прихода к власти ПСР генерал Озкёк скупно заявил: «28 февраля было следствием определенных процессов в Турции. Эффект не должен быть отличным, если причины продолжат существовать» [38].

Первое испытание отношений между армией и администрацией состоялось в течение первых недель после победы ПСР на выборах. Консервативные сторонники ПСР голосовали за неё в ожидании, что партия ослабит ограничения на религиозное образование и устраним запрет на ношение исламского хиджаба в государственных учреждениях и университетах. 20 ноября 2002 года президент Ахмет Недждет Сезер улетал в Прагу для участия в саммите НАТО. В аэропорту Анкары Эсенбога его провожал новый спикер меджлиса Бюлент Арынч вместе со своей женой, которая, как и большинство жён лидеров ПСР, носила хиджаб. Для генералов участие в протокольной церемонии женщины в хиджабе было покушением на лаицизм. 28 ноября высшие военные чины Турции отправили Арынчу молчаливое предупреждение, посетив его служебное помещение в меджлисе, где в полном молчании они посидели три минуты.

23 апреля 2003 года командование армии бойкотировало приём, данный Арынчем по случаю Дня национального суверенитета и Дня детей, после того как военные выяснили, что на приёме в качестве хозяйки будет присутствовать жена Арынча в хиджабе. Неделю спустя после заседания СНБ 30 апреля 2003 года Генштаб настоял, чтобы в отчёте для СМИ содержалась декларация о том, что «заседание подчеркнуло важность скрупулёзной защиты принципа лаицизма, который является одной из базовых характеристик государства» [39]. 5 мая 2003 г. Генштаб обнародовал своё собственное заявление для печати, позиционируя себя как «главную гарантию светского, демократического и социального характера Турецкой Республики» [40].

Лояльная позиция начальника Генштаба по отношению к правительству Эрдогана далеко не всегда получала одобрение со стороны военной элиты. Генерал Озкёк постоянно испытывал давление как со стороны ближайшего окружения, так и со стороны офицерского корпуса, который ожидал от своего командующего проведения более жёсткой линии. Это разочарование усилилось осенью 2003 года, когда правительство обнародовало проекты реформ в области образования, которые, по мнению лаицистов, должны были поощрить рост числа школ имамов-хатибов и облегчить их выпускникам поступление в университеты. Когда Озкёк оказался не в состоянии противостоять, то другие лица из высшего командования взяли инициативу на себя, получив предварительно одобрение от своего начальника. 9 сентября 2003 года генерал Ялман встретился с ректорами университетов, чтобы обсудить их оппозицию законопроекту о реформах. 14 октября генерал Илькер Башбуг, который в августе 2003 года был назначен заместителем НГШ, на брифинге для прессы отметил, что школы имамов-хатибов ежегодно оканчивают 25 тысяч слушателей, в то время как кадровая потребность Управления по религиозным делам, единственного государственного органа, который может легально трудоустраивать религиозные кадры в Турции, составляет лишь 5 000 человек [41]. Впоследствии правительство ПСР отложило попытки протолкнуть реформы в области образования через меджлис.

4 мая 2004 года ПСР, явно ободренная завоеванием 41,7% голосов на муниципальных выборах 28 марта 2004 года, внесла на рассмотрение меджлиса новый пакет реформ в области образования. 6 мая Генштаб опубликовал заявление, в котором реформы квалифицировались как представляющие угрозу лаицизму, и сделал следующее предупреждение: «Взгляды и позиция Вооружённых сил Турции по отношению к определению Республики как демократического, светского и социально-правового государства остаются сегодня теми же, что были вчера, и останутся такими же и завтра» [42].

Пакет реформ был утверждён меджлисом 13 мая 2004 года. Однако две недели спустя Закон был отклонён президентом Сезером на основании того, что реформы несовместимы с конституционным принципом лаицизма. В Турции президент может отклонить принятый закон лишь один раз, однако ПСР отказалась повторно направлять его в меджлис. 3 июля Эрдоган с сожалением признал: «Как правительство мы не готовы платить слишком большую цену» [43].

Рвение, с которым генерал Озкёк реагировал на законопроект о реформах в образовании, на время успокоило сторонников жёсткой линии в Генштабе и напугало правительство ПСР. На протяжении второй половины 2004 года обе стороны проявляли осторожность, чтобы не нанести ущерба шансам Турции на получение на саммите ЕС в Брюсселе 16–17 декабря 2004 года даты начала переговоров о вступлении. Несмотря на существенные разногласия по поводу Кипра, ЕС в конце концов согласился начать переговоры с Турцией о членстве 3 октября 2005 года.

Решение ЕС стало для ПСР пирровой победой. Дискуссия, которая ему предшествовала, продемонстрировала, что за оппозицией ряда государств ЕС членству Турции стоят более глубокие причины, чем проблема Кипра.

Знаменательно, что в январе 2005 года Генштаб обнародовал два своих самых жёстких заявления по поводу внешней политики ПСР с момента прихода партии к власти; при этом инициатива исходила не от Озкёка. 25 января 2005 г. генерал Башбуг предупредил, что Турция не будет празднично стоять, если иракские курды попытаются взять под контроль богатую нефтеносную провинцию Киркук или преследовать туркоговорящее меньшинство туркоманов. В тот же день во время визита на Северный Кипр генерал Бююкканыт, тогда командующий сухопутными силами, заявил, что ни один военнослужащий из размещенного на острове 35-тысячного контингента турецких войск не будет выведен прежде, чем будет достигнуто «твёрдое и окончательное решение кипрской проблемы» [44].

На протяжении последующих месяцев 2005 года в Генеральном штабе продолжало расти разочарование как правительством, так и Озкёком. Во время еженедельных встреч с премьер-министром его предшественников обычно сопровождал адъютант, который вёл протокол встречи. Озкёк прервал подобную практику и встречался с Эрдоганом с глазу на глаз. Когда они появлялись вместе на публике, создавалось впечатление, что между Эрдоганом и Озкёком установились непринуждённые, даже гармоничные отношения. Хотя мало кто верил в то, что он благожелательно относится к упразднению лаицизма, многие в Генеральном штабе стали беспокоиться, что, будучи человеком верующим, Озкёк не понимает угрозы, которую представляет ПСР [45].

В это время на политическом горизонте забрезжила новая проблема. Многие сторонники лаицизма задумались, что произойдет, когда Ахмед Сезер завершит свой президентский срок в мае 2007 г. По турецкому законодательству президент избирается меджлисом. Громадное большинство ПСР в меджлисе означает, что она сможет провести собственного кандидата. С тех пор как ПСР взяла власть, Сезер отклонил несколько законов и блокировал назначение на ключевые посты в государственном аппарате сотен сторонников ПСР. Было известно, что у Тайипа Эрдогана вместе с министром иностранных дел Абдуллахом Гюлем, наиболее вероятным кандидатом на пост премьер-министра после Эрдогана, имелись президентские амбиции [46]. Не имея политической партии, которая могла бы бросить вызов ПСР, многие лаицисты начали вновь смотреть в сторону армии. Это было особенно заметно по ведущим турецким газетам. В самом Генеральном штабе сторонники жёсткой линии ждали, когда уйдёт Озкёк и его место займёт Бююканыт. Такая перемена не могла устроить исламистов, поэтому вокруг будущего назначения развернулась настоящая интрига.

Однако худшее для исламистов было впереди. 10 мая 2006 года Эрдоган покинул церемонию празднования годовщины Государственного Совета (высшего административного суда Турции) после того, как председатель суда заявил, что республике угрожает религиозный фундаментализм [47]. 17 мая Алпарслан Арслан, 28-летний адвокат, симпатизирующий ультра националистам и исламистам, прошёл в здание Государственного Совета в Анкаре и застрелил одного из судей, Мустафу Юджеля Озбильгина, и ранил четырёх других. Когда Арслан был арестован, он сказал полиции, что совершил убийство в знак протеста против запрета на ношение хиджаба [48].

Похороны Озбильгина в Анкаре вылились в антиправительственную манифестацию. Эрдоган отказался присутствовать, предпочитая открыть новое шоссе на средиземноморском курорте в Анталье. А вот военные, дислоцированные в столице, присутствовали на похоронах в полном составе, включая высшее командование, которое прошло на траурную церемонию по улицам под приветствия и аплодисменты участников похорон. Представители турецкой судебной системы выпустили совместное заявление, призывавшее все институты, ответственные за защиту лаицизма, выполнить свои обязанности [49]. Никто не сомневался в том, что во главе этих институтов находился Генеральный штаб.

В начале лета 2006 года группы внутри ПСР начали кампанию по диффамации Бююканыта. В августе Сезер направил письма Озкёку и Эрдогану, предлагая им немедленным одобрением назначения Бююканыта пресечь любые спекуляции. Они согласились.

Мало кто в Турции сомневался, что назначение Бююканыта означает новую эру в отношениях между армией и гражданской политической элитой. Церемонию передачи полномочий от Озкёка Бююканыту 28 августа транслировали 11 телевизионных каналов. Уже тут Бююканыт, принимая командование, огласил своё первое предупреждение правительству: «Защита фундаментальных принципов республики не является предметом внутренней политики, это обязанность армии» [50]. В конце сентября 2006 года командующие сухопутными войсками, военно-морскими силами и ВВС, каждый по отдельности, сделали публичные заявления, предупреждая об угрозе Турции со стороны исламского фундаментализма. 2 октября Бююканыт выступил с обращением по случаю начала нового учебного года в Военной академии в Стамбуле (это выступление вновь транслировалось по 11 телевизионным каналам), где, прямо указывая на правительство, предупредил, что Генеральный штаб никогда не позволит подрывать лаицизм. Присутствовавший при этом бывший начальник Генштаба генерал Кывырыкоглу после выступления Бююканыта громко заявил: «Наконец наше четырёхлетнее молчание закончилось» [51].

Вскоре новый НГШ продемонстрировал также свою готовность высказываться и по вопросам внешней политики. Когда в прессе появились утечки информации о том, что Турция, имея целью сохранить рабочий характер переговорного процесса о вступлении в ЕС, якобы готова открыть один из портов для захода кипрских судов, генерал Бююканыт резко осадил правительство за то, что оно предварительно не проконсультировалось с Генеральным штабом [52]. Однако ЕС не только отверг предложение правительства Турции как явно недостаточное, но и с 11 декабря 2006 года приостановил, вплоть до открытия для кипрских судов и самолётов всех портов и аэропортов Турции, переговоры по 8 из 35 тем процесса вступления. В Турции данное решение было воспринято как ещё одно доказательство того, что ЕС не имеет намерения когда-либо принять страну в свои ряды. В конце декабря 2006 года опросы общественного мнения показали, что уровень поддержки вступления в ЕС сократился в Турции до 30–35% [53].

14 февраля 2007 г. в речи, произнесённой в ходе визита в Вашингтон, Бююканыт попытался одновременно успокоить турецких сторонников лаицизма и передать тонко завуалированное предупреждение правительству в Турции. Он отметил, что существуют «динамичные силы, защищающие Турцию», и добавил: «Турция является демократическим, светским, социальным и унитарным государством. Не существует и никогда не будет существовать силы, которая может заставить её свернуть с этого пути. Турецкая Республика – это республика, основанная Ататюрком, и эта республика выживет со своим строем, со своими основополагающими принципами вплоть до скончания века» [54].

Турецкая общественность привыкла к активной роли, которую армия играет в политической жизни. Внутри государства армия является совершенно автономным институтом, выполняет важную функцию в процессах принятия политических решений, в качестве «стража государственного суверенитета» структурирует и контролирует политическую власть. Поэтому в турецкой политической системе господствует поставленная с ног на голову иерархия: армия избавлена от политического контроля, но политическая власть подконтрольна надзору военных. Понятие «система военного патронажа» довольно точно описывает функционирующий в Турции строй [55].

В случаях прямого вмешательства армии в политику «система ненавязчивой опеки» превращается в «систему непосредственного руководства». Это происходит (в среднем каждые десять лет), когда рамки дискурса,

определяемые военными как «официальное мнение государства», серьёзно оспариваются оппонентами или, как в настоящее время, когда социальная и политическая динамика в повседневной жизни и политике заходит за пределы, определённые армией, ставя страну в критическое положение.

К апрелю 2007 г. Турция достигла подобной критической точки. На первый взгляд казалось, что основанием для данного кризиса является крушение двойной исполнительной власти (президент и премьер-министр) – модель, которая, согласно замыслу военной элиты, представляла дифференциацию между государственной и политической властью. Президент как представитель государства в целом не нес политической ответственности, но, тем не менее, обладал значительными политическими полномочиями, включая назначение высших гражданских чиновников и судей судов высшей инстанции.

«Когда «президентский замок» должен был вот-вот перейти к правящей ПСР, за политическим гулом последовало вмешательство армии. В своём заявлении 27 апреля 2007 г. армия объявила, что «она выполнит свои обязанности», т.е. возьмёт власть, если правительство не будет действовать с должным уважением к интересам государства [56].

Интересна в этой связи реакция общества. Ничто не напоминает прежние времена, когда политики смиренно внимали словам генералов. На жёсткое заявление Генштаба, направленное против антилаицистских выступлений, правительство дало ответ в похожем тоне. Пробудился и крупный бизнес. Последовала реакция авторитетной организации турецких предпринимателей ТЮСИАД. Её президент Ялчиндаг, выступая в Самсуне, заявил: «Созданное заявлением ГШ положение не является подходящим для демократии» [57].

Фактически заявление армии достигло желаемых последствий. Конституционный суд воспринял данное предупреждение со всей серьёзностью, и президентские выборы были блокированы, а меджлис принял решение о досрочных выборах [58]. На этой стадии с помощью принуждения и угроз военная элита попыталась защитить свою собственную политическую роль путём предотвращения крушения дуализма исполнительной власти. Поэтому кризис в нынешней Турции может быть определён как кризис самой государственной власти и управления.

Результаты парламентских выборов 22 июля 2007 г. и президентских выборов 30 августа свидетельствуют о том, что взгляды ПСР пользуются возросшей поддержкой. Армия во главе с генералом Бююкянытом и поддерживающие её сторонники лаицизма, предводительствуемые Денизом Байкалом и НРП, проиграли борьбу: им не удалось воспрепятствовать избранию Абдуллаха Гюля на пост президента Турции, а мощные митинги в защиту лаицистских и кемалистских ценностей, прошедшие в начале мая, не только не снизили уровень электоральной поддержки ПСР, но и не способствовали его росту у НРП.

После этого Генштаб как бы отходит на второй план, уступая место судебным органам. Ярким примером противостояния явилось дело о закрытии ПСР. В начале января 2008 года прокурор Кассационного суда Абдурахман Ялчинкая, идя по стопам своего предшественника Вурала Саваша, делает предупреждение в адрес ПСР [59]. Выступление прокурора не было спонтанным: по разным источникам, сбор компрометирующей информации об «антиконституционной деятельности» ПСР начался ещё в 2002 г. Правда инкриминировать какие-либо подрывные действия, представив веские доказательства, прокуратура не могла. Вся доказательная база состояла из публикаций в СМИ, содержащих тексты выступлений ведущих деятелей партии, в первую очередь лидера ПСР премьер-министра Т. Эрдогана. Но желание разобраться с исламистами и убрать эту партию с политической сцены, не обращая внимания на возможные негативные последствия для политической и экономической стабильности Турции, было весьма большое.

14 марта прокурор Ялчинкая направил в Конституционный суд представление об открытии дела против ПСР и 73 её ведущих деятелей, включая премьер-министра и президента. Прокурор обвинил правящую партию в использовании религии в политических целях и стремлении навязать светской Турции режим шариата.

На основе этого представления Конституционный суд Турции 17 марта начал исследование представленных документов и в течение двух недель должен был вынести вердикт о принятии или же отклонении дела. Турецкие СМИ утверждали, что «готовящийся процесс является не правовым, а политически ангажированным действием» [60]. На это указывала также информация о встрече в июне генерала Илькера Башбуга, в то время командующего сухопутными силами, с заместителем председателя Конституционного суда Османом Паксютом, ставленником бывшего президента А. Сезера. Сообщение об этом вызвало широкий резонанс в Анкаре и расценивалось как попытка оказать давление на суд.

Первой на угрозу закрытия ПСР отреагировала Стамбульская биржа, где индекс ценных бумаг упал сразу на 7,5%, а курс турецкой лиры по отношению к доллару снизился на 3,5%. Рассмотрение в суде могло продолжаться целый год, погрузив страну в длительный период нестабильности, препятствуя проведению реформ и осложняя ведение переговоров о вступлении в ЕС. Осознавая эти мрачные перспективы, ведущая организация турецких предпринимателей ТЮСИАД в лице своего президента Арзухана Ялчиндага осудила готовящийся процесс: «Закрытие политических партий несовместимо с демократией». Последовала также негативная реакция со стороны США и ЕС, поспешивших на защиту ПСР и премьер-министра Эрдогана.

Полгода страна находилась в напряжённом ожидании решения, которое могло привести Турцию к очень глубокому политическому кризису. Слушание дела началось 14 июля с оглашения обвинения в адрес 73 человек. Наконец, 30 июля 2008 г. Конституционный суд вынес свой вердикт по делу о закрытии ПСР. Из одиннадцати судей за запрет ПСР проголосовали шесть, четверо воздержались, высказавшись за сокращение наполовину финансирования партии за счёт казны, и лишь председатель суда Хашим Кылыч был против, и именно его голос решил исход дела. После оглашения вердикта Т. Эрдоган заявил: «Этим решением устранена большая неопределённость, закрывавшая Турции путь. Демократия спасена от позора» [61].

Решение о сокращении объёмов финансирования ПСР из казны на 20 млн долл. является серьёзным предупреждением правящей партии. Этот результат явно не удовлетворил тех, кто ожидал вердикта о её закрытии.

Но политическая интрига разворачивалась в двух планах. Ещё до завершения рассмотрения в Конституционном суде правительство нанесло ответный удар, начав активное ведение следствия по так называемому делу «Эргенекон». Начало ему было положено ещё 12 июня 2007 года, когда в Стамбуле обнаружили склад оружия и боеприпасов, созданный отставным офицером. Массовые аресты по делу «Эргенекон» начались

ещё 22 января 2008 г. В числе задержанных были, в частности, бывшие командующий 1-й армией генерал Хуршит Толон, являющийся президентом Общества Ататюрка, и командующий жандармерией генерал Шенер Эруйгур. Всем им инкриминировали антигосударственный заговор, в частности, против правящей ПСР.

Любопытно, что активизация расследования и проведение арестов почти совпали с началом судебного преследования ПСР в марте. А начиная с лета аресты граждан, среди которых было немало отставных офицеров и генералов, якобы причастных к деятельности «Эргенекон», стали производиться регулярно. К середине апреля 2009 года прошло уже 12 волн арестов.

20 октября 2008 года в тюрьме строгого режима Силиври, что в пригороде Стамбула, начался судебный процесс по делу «Эргенекон». Фигурантам дела предъявлены обвинения по 11 статьям УК. Прокуратура обвиняет организацию в подготовке государственного переворота с целью отстранения от власти ПСР. О том, насколько далеко заходят планы стороны обвинения, может свидетельствовать телемост, проведённый государственным телеканалом ТРТ-2 с «ключевым свидетелем» по делу «Эргенекон» Тунджаем Гюнеем, ещё в 2001 году обратившимся в прокуратуру с заявлением по поводу существования мифической террористической организации в Турции (в настоящее время проживает в Канаде). Гюней утверждает, что в 2001 году руководящее звено «террористической организации "Эргенекон"» состояло из 12 человек, и в него входили бывшие начальники Генштаба турецкой армии армейские генералы Исмаил Хаккы Карадайи и Неджип Торумтай, бывшие главкомы жандармерии армейские генералы Теоман Коман и Расим Бетир, экс-главком ВМС адмирал Гювен Эркайя, а также бригадные генералы Нежат Мюльдюр, Осман Озбек, Энгин Хош и Вели Кючюк. Последний около года находится под стражей и уже дал показания на процессе по делу, отвергнув предъявленные ему обвинения.

Суд по делу "Эргенекон" обнажает серьезный раскол в Турции между растущим исламским классом, имеющим политическое и экономическое влияние, и противостоящими ему сторонниками традиционного светского режима, среди которых главное место занимает офицерский корпус. В число подозреваемых попало большое количество отставных офицеров, в том числе самых высших, и этот факт не может оставить равнодушным Генеральный штаб. В условиях столь жёсткого противостояния ПСР должна вести себя осмотрительно, не переходя определённых границ, чтобы не спровоцировать армию на выступление, и быть готовой к компромиссам. Как считает профессор университета Билькент Умит Джизре, «ПСР и Генштаб торгуются между собой и идут на взаимные уступки. Долгие месяцы говорили о Высшем военном совете, и вот, наконец, 4 августа после 4-дневного заседания под председательством Т. Эрдогана объявляется его решение: назначили тех, кого ожидали. Но самое главное – впервые из армии никого не уволили» [62]. По сведениям газеты «Йени шафак», 46 полковников были повышены до генеральского и адмиральского звания, а 46 генералам и адмиралам срок службы был продлён на 1 год [63].

Генерала Я. Бююкканыта на посту НГШ сменил генерал Илькер Башбуг, которому придётся открыть новую страницу в военно-гражданских отношениях. Перед ним стоит непростая задача. Необходимо сохранить светский характер государства, поддерживать роль и значение государственных элит и в то же время не втянуться в конфронтацию, чтобы не разрушить существующее равновесие. Особенно это сложно в условиях мирового экономического кризиса. Генералу И. Башбугу нужна большая гибкость. Армия уже не является объектом, закрытым для критики. Более того, выдвигаются небывалые прежде требования. Так, генеральный председатель Партии свободы и солидарности Уфук Урас, являющийся независимым депутатом от Стамбула, внёс в меджлисе предложение о создании парламентской комиссии по изучению военных переворотов и покушений на них. Данный проект уже подписали 20 депутатов от Партии демократического общества и 1 независимый депутат. У. Урас полагает, в частности, что это открывает путь к судебному преследованию, пусть даже символическому, творцов переворота 12 сентября 1980 года [64].

Первый серьёзный дебют генерала И. Башбуга состоялся 14 апреля 2009 года, когда он выступил с традиционной программной речью в Военной академии. Как пишет ведущий турецкий обозреватель Мехмет Биранд, «обычно на подобные мероприятия не особенно приглашают газетчиков, критически относящихся к ВС. На сей раз было по-другому, позвали даже самых отъявленных критиков. НГШ не сказал ничего нового. Его выступление было даже похоже на повтор выступлений его предшественников, однако общий подход и используемый стиль речи были другими. Оно не было жёстким, он не грозил палкой, не демонстрировал взгляда сверху» [65].

В своей речи генерал И. Башбуг констатировал, что «следует исследовать военно-гражданские отношения, принимая во внимания присущие им особые условия; эти отношения должны основываться в рамках законов на доверии и демонстрации уважения к военной профессии; военно-гражданскими связями руководит НГШ; подлинной властью обладают гражданские лидеры, и последнее слово всегда остаётся за гражданской властью, но в вопросах безопасности необходимо прислушиваться к советам военных». Башбуг говорил о приверженности армии демократии и лаицизму. Заявив о том, что «армия не противостоит религии», далее он жёстко продолжил: «Сегодня некоторые религиозно ориентированные общества, позиционирующие себя игроками на демократическом поле, по разным причинам верят в то, что они занимают сильные позиции. Образ сильного и его восприятие обманчивы. Вот почему подобные общества видят самую большую угрозу для достижения своих целей в ВС. Поэтому, используя всякую возможность, с помощью своих сторонников они ведут деятельность, направленную против ВС ... полагать, что ВС останутся безучастными и пассивными, является большим заблуждением». Квинтэссенцией выступления явилось заявление о возрастании значения, а соответственно, и роли ВС в современных условиях [66].

Итак, Турция расколота на два лагеря. Жесткое противостояние правительства и довольно влиятельных кругов, негласно объединившихся вокруг "Эргенекон", ожидает нескорая развязка. Лидер Партии националистического движения Девлет Бахчели на заседании парламентской фракции заявил: «В нашем обществе нарастает беспокойство в отношении использования властью права в качестве инструмента в политических целях, а юстиции как орудия запугивания, давления и устрашения» [67]. В ежегодном докладе Государственного департамента США «О состоянии терроризма в мире», представленном Конгрессу США, в разделе, посвящённом Турции, констатируется, что «детали расследования дела «Эргенекон» представляются туманными и внушающими сомнения» [68].

Углубление демократии обычно ведёт к демократической консолидации, но только не в сегодняшней Турции. Атмосфера, царящая в обществе с момента прихода к власти ПСР, наполнена тревожным ожиданием событий. Как пишет Али Биранд: «После переворота 12 сентября 1980 г. и вплоть до сегодняшнего дня говорят о том, при каких

условиях и когда армия вновь вмешается в политику, т.е. вопрос этот стоит постоянно, и все ждут. При этом никаких особых возмущений нет, что для демократии крайне ненормально. Причём никто даже не думает, что армия выступит в связи с Кипром или же курдским вопросом. Единственным предлогом для переворота видится лаицизм. Между тем, сегодня даже по вопросу лаицизма видна невозможность переворота. Изменился характер отношений ВС со значительной частью общества. Всё изменилось после 28 февраля 1997 г.» [69].

Турция стоит на пороге серьёзных событий, затрагивающих её правовую систему, идеологические основы государства, её ожидает принятие новой конституции. Все эти проблемы носят для турецкого общества острый характер, и при неблагоприятном развитии событий борьба вокруг ценностей может серьёзно дестабилизировать ситуацию в стране. На смену делению общества на правых и левых, имевшему место в 1960 – 1970-х годах, в 1990-е годы пришло противостояние сторонников лаицизма и исламистов. Именно эта дихотомия, углубляющаяся с момента прихода к власти 3 ноября 2002 года происламской Партии справедливости и развития, и активная вовлечённость в неё армии на стороне защитников принципов кемализма придаёт своеобразию нынешнему политическому процессу.

В политике существует два типа борьбы: борьба за ценности (смыслы) и борьба за интересы. В сегодняшней Турции борцами за ценности можно назвать именно сторонников лаицизма.

Все слои турецкого общества смотрят сейчас в сторону армии: одни в твёрдой уверенности, что она, наконец, остановит «фанатичных» исламистов, а другие – ожидая от неё взвешенного поведения в обстоятельствах, когда практики полстраны выразило поддержку Эрдогану и его партии. Прошлый опыт показал, что перевороты не могут гарантировать долговременной стабильности и наносят ущерб общественному престижу Генерального штаба.

С 1930-х годов военные смотрели на себя как на гаранта внутренней стабильности и территориальной целостности, стража идеологического наследия Ататюрка и мистическое воплощением турецкой нации. Несмотря на нововведения, которые ограничили некоторые из инструментов, используемых армией в качестве политического рычага, правовые основы для выполнения её роли и обязанностей остаются неизменными уже свыше 70 лет. В обстановке продолжающейся политической неопределённости, замедляющейся экономики, неоднозначного процесса по делу «Эргенекон», угасающих надежд на приём в ЕС, поднимающегося национализма и растущих трений с курдами Северного Ирака, при отсутствии политической партии, способной бросить вызов ПСР, многие турки вновь видят в армии страны не только опору стабильности, но и, де-факто, оппозицию правительству.

Примечания:

[1] Шлыков В.И. Кризис кемалистского режима в Турции во второй половине 40-х годов XX века. // Труды Института практического востоковедения, М., 2005, т. I, с. 244-268.

[2] Narlı N. Civil-military relations in Turkey. // Turkish Studies, vol. 1, n. 1, (Spring 2000), p. 107

[3] Milliyet, 04.10.2006

[4] Huntington S.P. Political order in changing societies. New Haven – London, Yale University Press, 1969.

[5] Milliyet, 04.10.2006

[6] Birand M.A. Emret komutanım. İstanbul, 1987., s. 416.

[7] См.: Ahmad F. The Turkish experiment in democracy 1950-1975. Westview Press, Boulder, 1977

[8] İba Ş. Ordu, devlet, siyaset. İstanbul: Çiviyazlar, 1998, s. 190-192

[9] Resmi Gazete, 10.1.1961, № 10703

[10] Milliyet, 10.04.2007

[11] Milliyet, 10.04.2007

[12] Цит. по: Конституции государств Европы. М., «Норма», 2001.

[13] Milliyet 10.04.2007

[14] Цит. по: Конституции государств...

[15] См.: Resmi Gazete, № 18218, 11.11.1983

[16] Jenkins G. Continuity and change: prospects for civil-military relations in Turkey. // International Affairs, vol. 83, 2007, n. 2, p. 344

[17] Jenkins G. Op. cit., p. 345

[18] Bölükçiray N. 28 şubat süreci. Ankara, Tekin Yayınevi, 1999, s. 99-117; 149-166

[19] Hale W. Turkish politics and the military. London, Routledge, 1994, p. 294-295

[20] Bayramoğlu A. 28 şubat. Bir müdahalenin güncesi. İstanbul, Birey Yayıncılık, 2001, s. 207-209

[21] Bayramoğlu A. Op. cit., s. 100-105

[22] Yeni Şafak, 27.02.2006

[23] Jones G. Turk general rattles sabre before "coup" anniversary. 27.02.2007, www.globalresearch.ca

[24] Milliyet, 18.01.1998

[25] Jenkins G. Op. cit. p. 347

[26] Hürriyet, 19.04.1999

[27] Sabah, 23.06.2001

[28] Resmi Gazete 18.06.1999 n. 23729; Resmi Gazete 22.06.1999, n. 23733

[29] Resmi Gazete, 17.10.2001, n.24556

[30] Resmi Gazete, 18.01.2003

[31] Milliyet, 4.11.2002

[32] Milliyet, 28.03.2002

[33] Ergin S. Manşet vermeyen ilk Genelkurmay Başkanı. // Hurriyet, 3.11.2002

[34] Hurriyet 27.08.2003

[35] Milliyet,29.08.2004

[36] Milliyet, 04.10.2004

[37] Heper M. The Justice and Development Party Government and the Military in Turkey" // Religion and Politics in Turkey. London, Routledge, 2006, p. 76

[38] Heper M. Op.cit., p.78

[39] Hurriyet, 01.05.2003

[40] Jenkins G. Op. cit., p. 349

[41] Hurriyet, 14.10.2003

[42] Milliyet, 7.05.2004

[43] Radikal, 04.07.2004

[44] Milliyet 26.01.2005

[45] Jenkins G. Op.cit. p. 357

[46] Jenkins G. Op. cit., p. 352

[47] Milliyet, 11.05.2006

[48] Hurriyet, 18.05.2006

[49] Cumhuriyet, 27.07.06

[50] Sabah 28.08.06

[51] Milliyet,29.8.2006

[52] Jenkins G. Op.cit., p. 355

[53] Jenkins G. Op.cit., p. 356

[54] Radikal, "Cumhuriyet en riskli döneminde", 15.02.2007

[55] Bayramoğlu A.. The Limits of democracy, or "Seisure of the state from within" // The Two souls of Turkey, Summer, 2007, p. 7

[56] Milliyet, 28.04.2007. Профессор Х. Оздемир так оценивает поведение армии: «После 12 сентября время переворотов завершилось. Теперь у военных другой подход. Меморандум 28 февраля 1997 года продемонстрировал вхождение в новый период. Заявление 27 апреля показало, что вооружённые силы могут попытаться реализовать свою роль по защите конституционных и республиканских принципов с помощью скромного заявления для печати... Совершение переворотов традиция не кемалистская, а младотурецкая. Как любой человек или организация претерпевают изменения, точно так же руководство ВС и сами военные структуры переживают сейчас серьёзные перемены. Это можно назвать превращением в некий вид инспекции общества». [Milliyet, 19.01.2008]

[57] Milliyet, 01.05.2007

[58] Baramoğlu A. Op.cit., p. 8

[59] Hurriyet, 17.01.2008

[60] Taraf 26.03.2008

[61] Radikal, 31.08.2008

[62] Yeni aktüel, 2008, №162, s., 16

[63] Yeni şafak, 05.08.2008

[64] Yeni aktüel, 2008, №159, s. 25

[65] Milliyet, 15.04.2009

[66] Milliyet 14.04.2009

[67] Radikal, 14.04.2009

[68] Milliyet 02.05.2009

Читайте также на нашем сайте:

[«Радикальные исламисты Турции» Антон Разливаев.](#)

[«Турция: перспектива стать международным энергетическим узлом» Саргис Арутюнян.](#)

[«Региональная неоднородность Турции: социально-экономический и политический аспекты» Наталья Ульченко.](#)

[«Из-за пределов — в пределы. Турция в Европе» Каглар Кейдер.](#)

[«Экономика Турции и ее соответствие критериям ЕС» Мария Савельева.](#)

Опубликовано на сайте 01/06/2009